

---

*Всем моим сестрам-михазлиткам,
Академия святого Михаила, Нью-Йорк, 1874–2010.
Возможно, нашей школы больше нет,
но мы никогда ничего не забудем.
В святости и праведности*

1

В начале

Как же сильно хочется исчезнуть отсюда. Я бросаю взгляд на море людей, сидящих на скамьях вокруг. Лица жителей моего маленького незначительного городка настолько знакомы, что кажутся визуальным белым шумом. И священник, как всегда, бубнит монотонным голосом:

— Уверуйте же: каждый день Господь дарует нам манну небесную. Все мы должны проложить собственный путь вниз с горы жизни. Выберем ли мы опасную тропинку через извилистый лес или предсказуемую и ухоженную трассу...

Нет.

Только не притча о лыжах. Я этого не выдержу.

Я начинаю вставать, готовясь тихо извиниться, когда чувствую, как знакомые, похожие на клещи, пальцы обхватывают руку.

Моя бабуэла¹ шипит из-под черной кружевной вуали:

— Мигуэла, куда ты собралась?

— Мне просто нужно... немного подышать, — шепчу я в ответ.

Почему я не могу солгать и сказать что-то более убедительное? Что-то вроде: «мне нужно в туалет», или «сейчас то самое время месяца», или «у меня вот-вот случится нервный срыв»? Мой друг Барри считает забавным, что я не способна лгать, особенно когда бабушка смотрит на меня испепеляющим взглядом смерти.

— Я сейчас вернусь, бабуэла. Те lo prometo².

Испанский делает свое дело. Она отпускает меня, и я убегаю, в то время как взрослые по обе стороны прохода бросают в мою сторону неодобрительные взгляды.

Когда добираюсь до выхода, я смещаюсь влево, чтобы меня не было видно, и делаю глубокий вдох. Ноябрьский день не по сезону теплый, поэтому все двери открыты. Я вижу последние осенние листья, отчаянно цепляющиеся за голые ветви маленького деревца перед зданием церкви, как будто они боятся оторваться.

Облегчение волной разливается по телу. Не то чтобы я не была верующей... Просто иногда в нашей церкви и общине кажется, что все смотрят на меня в ожидании чего-то, и это угнетает. Я вытаскиваю книгу из рюкзака, который заранее

---

¹ Бабушка (*исп.*). (*Прим. ред.*)

² Обещаю (*исп.*). (*Прим. пер.*)

спрятала под деревянной скамейкой, и устраиваюсь в углу. Всего несколько страниц, может быть, пару глав, а затем я вернусь и сяду рядом с бабушкой как порядочная девушка.

Я открываю книгу и улыбаюсь своей закладке: письму о зачислении в Калифорнийский университет Лос-Анджелеса. Бабушка решительно настроена отправить меня в Колледж Сент-Майкл здесь, в Вермонте, поэтому я тайно подала заявление в университет своей мечты. Скоро я расскажу об этом, но пока письмо надежно спрятано в романе ужасов, потому что она ни за что на свете не заглянет туда.

Телефон вибрирует от сообщения. Групповой чат, в котором состою я и трое моих друзей. Мы назвали его «Воинство».

Рейдж: Куда ты убежала?

Барри: Да какая разница? Беги, Мика! Убегай!

Я улыбаюсь и пишу ответ.

Я: Тшш! Я читаю.

Рейдж: Но ты пропустишь вторую часть притчи!

Я: Ничего страшного, уверена, что Иисус не катался на лыжах.

Я провожу руками по чистой обложке книги, ощущая глянцевый рельефный череп в центре, наблюдая, как черные и красные чернила поблескивают на солнце. Данте Валгейт. Каждый выход его новой книги похож на Рождество независимо от месяца. Я открываю страницу, отмеченную закладкой, новый корешок потрескивает, как поленья в камине, и я продолжаю с того места, на котором остановилась за завтраком.

Я только начинаю погружаться в историю, когда в дверном проеме появляется тень и загораживает мне свет.

Кто-то смотрит на меня. Его раскаленный, как солнце в середине лета, взгляд прожигает мою макушку. Я провожу рукой по волосам, пытаясь смахнуть это чувство, как паутину. Я поднимаю голову, чтобы посмотреть на этого человека, и бросаю на него неодобрительный взгляд.

В дверном проеме, освещенный утренним светом сзади и золотистым мягким сиянием церкви спереди, стоит парень, заглядывающий внутрь с порога.

Христос на кресте, кто это, черт возьми?

Он примерно моего возраста, с волной черных как смоль волос, обрамляющих его бледное лицо, и такими темными ресницами, что создается впечатление, будто у него подведены глаза, как у пирата. И он одет в костюм! Никто в Вермонте не надевает костюмы, никогда. Это придает ему утонченный вид... Я бы сказала, светский. Да, он определенно не отсюда.

Боже, я пялюсь. Я опускаю взгляд на книгу у себя на коленях. Меня, словно магнитом, снова тянет поднять глаза, и я борюсь с этим так долго, как только могу. Когда я больше не в силах сопротивляться, то оглядываюсь и замечаю, что он смотрит на меня.

И не просто на меня, а словно внутрь меня.

И тогда жар ощущается уже не только на макушке, он рождается у меня в груди и распространяется по всему телу. Как в фильмах, когда взгля-

ды главных героев встречаются и время вокруг них замедляется, пока звучит какая-нибудь глупая романтическая песня. В нашем случае вместо гитар слышен только отдаленный голос священника и беспрестанное сопение Джонни Пирсона со своего обычного места в заднем ряду. Я с трудом вспоминаю, как дышать, а мое сердце колотится о ребра.

Что-то хватает меня за плечо, и я вздрагиваю.

— Мигуэла, что ты делаешь? Немедленно возвращайся в церковь, — шепчет бабушка на испанском, поднимая меня на ноги своими костлявыми пальцами.

— Боже, абуэла, ты напугала меня.

— Мы уже много раз говорили о том, чтобы ты не разбрасывалась именем Господа так, словно оно не имеет никакого значения. — Она замечает книгу в моих руках. — Фу! Я должна была догадаться. Им следует сжечь все книги этого человека. А теперь убери ее и возвращайся. — Затем она бросает взгляд на дверь. — И на что ты так пристально смотрела?

Парень!

Я поднимаю взгляд, но незнакомец уже исчез. Огромный дверной проем пуст.

Черт возьми.

После мессы прихожане собираются на лужайке перед церковью. Бабушка разговаривает с соседями о запеканках, необычно теплой погоде и других умопомрачительно скучных вещах, когда кто-то хватает меня за шею.

Я собираюсь ударить напавшего — не зря же занимаюсь боевыми искусствами, — когда вижу лицо Рагуила, ухмыляющегося мне через плечо, волнистая копна оранжевых волос закрывает один из его голубых глаз. Его называют Рейджем³, что иронично, поскольку он самый дипломатичный и дружелюбный человек, которого я знаю.

— Тебе повезло, что я не перекинула тебя через плечо прямо на церковной лужайке, — спокойно говорю я.

Он обнимает меня за плечи и подмигивает:

— Да ладно, мы оба знаем, что ты этого не сделала бы, даже если бы могла.

— Надо же, спасибо, сэнсэй⁴. Где Барри?

Словно отвечая на мой вопрос, нескладная электронная версия «Red Solo Cup»⁵ эхом разносится по улице. Все оборачиваются, когда самый большой и нелепый грузовик, который я когда-либо видела, подъезжает прямо к церковной лужайке. Он жемчужно-белый, с зеркально блестящей алюминиевой отделкой и шинами, которые кажутся выше меня. У него мигающая красная лампочка сверху и гораздо больше стоек на крыше, чем может понадобиться одному человеку. Пока мы глазеем на это, тонированное стекло со стороны водителя опускается, и я вижу лицо Барри, озаренное гордостью.

---

³ В переводе с английского языка rage означает «ярость». (Прим. пер.)

⁴ В Японии вежливое обращение к учителю. (Прим. ред.)

⁵ Трек исполнителя Тоби Кита (Toby Keith). (Прим. ред.)

— Этот мальчик всегда такой незаметный, — слышу я голос бабушки, которая выглядывает из-за моего плеча.

— Да, Барри определенно любит эффектные появления, — улыбаясь, отмечает Рейдж.

Мы с ним подходим к грузовику.

— Барри! — Я пытаюсь перекричать громкий рев двигателя. — Что это за машина?

— Нравится? Она новая. Я назвал ее «Пегас». — Он с улыбкой похлопывает по приборной панели, как будто это собака.

Я смеюсь:

— Не думала, что ты любишь мифических существ.

— А кому не нравятся крылатые лошади? Да и я же твой друг, — подмигивает он.

Стоит сказать, что размеры Барри идеально подходят для нового грузовика. Он вырос на ферме и выглядит соответственно. Предплечья как стволы деревьев, загар ровно под рукава футболки, а на его лице постоянно играет улыбка пятилетнего мальчика, который только что украл у тебя последнее печенье. Рейдж выглядит стройным и стильным в своей воскресной одежде, но Барри?.. С закатанными рукавами и мятым галстуком он выглядит... совершенно неподходяще одетым для церкви. Я указываю на передвижной арсенал Барри за сиденьями:

— Смотрю, оружейная стойка тоже выросла. Ожидаешь неприятностей после мессы?

— Нет, но начался сезон охоты, милочка! Давай, Рейдж, язычница уже забронировала нам столик.

Я закатываю глаза.

— Ты знаешь, что Зи не нравится, когда ее так называют.

— Что ж, ты видишь ее здесь по воскресеньям, страдающей на мессе вместе со всеми нами?

Рейдж забирается на пассажирское сиденье и оглядывается на меня:

— Ты идешь? «МакКарти»? Красно-бело-синие блинчики?

У меня текут слюнки при мысли обо всей этой вкуснятине.

— Не могу. Мне надо на работу.

Бабушка с ее сверхострым старушечьим слухом широкими шагами подходит к грузовику.

— Ты же не собираешься опять работать в день Господень, Мигуэла?

Разве недостаточно того, что я одеваюсь в эту нелепую девчачью одежду и сижу в этой душной церкви по часу каждую неделю? Кроме того, что она знает о работе? Да, она волонтерит по всему городу, но каково это — быть рабом за минимальную зарплату? Она ничего об этом не знает. Я люблю бабушку, но это уже слишком.

— Собираюсь, абуэла. Я нужна им.

Она сощуривает глаза.

— Даже Бог отдыхал на седьмой день, m'ija⁶.

Что ж, тогда ему не следовало заражать Сару ротавирусной инфекцией. Хорошо, что я не сказала этого вслух, иначе это вызвало бы такую чертову бурю, от которой меня не спас бы никакой зонт.

---

⁶ Дочка (исп.). (Прим. пер.)

— Сара заболела, я должна выйти за нее.

— Ох. Что ж, тогда это по-христиански. — С этими словами она бесцеремонно убирает прядь с моего лица.

Бабуля одобряет, что я делаю? Это все равно что увидеть единорога, скачущего галопом по главной улице. К счастью, она уходит и возвращается к компании взрослых.

— Ты начала статью про Реформацию? — спрашивает Рейдж, высунувшись из окна грузовика.

Я пристально смотрю на него:

— Ого. Пока нет, *nan*. Тем более сейчас выходные. Не напоминай мне о школе.

Рейдж улыбается уголком губ.

— Действительно, тебе ведь не нужно улучшать оценки. Но некоторые из нас еще не получили досрочное зачисление в университет мечты!

Его тон кажется каким-то резким. Рейдж ведет себя странно с тех пор, как я получила письмо из Калифорнийского университета.

— Тшш! — шиплю я и оборачиваюсь на бабушку, чтобы убедиться, что она — или кто-то другой — не услышала его слова. В маленьком городе трудно сохранять секреты.

Рейдж высовывается из окна и вытаскивает книгу из моего рюкзака, как будто нам все еще по шесть лет.

— Может быть, ты бы уже сделала задание, если бы не тратила все свободное время на чтение этого мрачного дерьма, — говорит он, листая страницы романа Валгейта.